УДК 811.1

DOI10.17516/2311-3499-074

ЯЗЫК И ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА: ОТ КАРТЕЗИАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ К ЭКОЛИНГВИСТИКЕ

А.В. Кравченко

Разделив язык, человека и мир, картезианская лингвистика не в состоянии объяснить функцию языка как биологической адаптации. Чтобы уйти от устоявшихся воззрений на язык как код, используемый для передачи информации, необходимо научиться по-другому говорить о языке, осознав, что способность мыслить не является врожденной чертой человеческого мозга. Как интерактивная деятельность в консенсуальной области второго порядка, язык является биологической основой абстрактного мышления как адаптивного механизма, позволяющего 'симулировать' возможные взаимодействия организма со средой. Использование письменных знаков – следующий шаг в развитии этого адаптивного механизма, когда человек, продолжая конструировать свою экологическую нишу, создает 'мир на бумаге', насыщая эту нишу аффордансами, которые предоставляют языковые взаимодействия в экспериенциальных областях речи и письма. Языковые взаимодействия в этих областях становятся экологическим фактором, определяющим и поддерживающим развитие человека и общества как живых систем. Показывается, что именно это должно стать предметной областью эколлингвистики как новой парадигмы в исследовании языка.

Ключевые слова и фразы: языковой миф; живые системы; семиозис; консенсуальная область; языковая функция; эколлингвистика.

LANGUAGE AND HUMAN ECOLOGY: FROM CARTESIAN LINGUISTICS TO ECOLINGUISTICS

A.V. Kravchenko

Segregating language, man, and world, Cartesian linguistics comes short of explaining the function of language as a biological adaptation. To challenge the entrenched perspectives on language as a code for information transfer, we must learn to speak differently, realizing that the ability to think is not an innate feature of the human brain. As interactional activity in the second-order consensual domain, language provides a biological foundation for abstract thought as an adaptive mechanism for 'simulating' possible interactions of the organism with the environment. The use of writing marks the next step in the development of this adaptive mechanism, when humans continue their ecological niche construction by creating 'a world on paper', saturating their niche with affordances provided by linguistic interactions in the experiential domains of speech and writing. Linguistic interactions in these domains become an ecological factor that both affects and sustains the development of individuals and society as living systems. This, it is argued, should be the subject matter of ecolinguistics as the new paradigm in linguistic explorations.

Keywords and phrases: language myth; living systems; semiosis; consensual domain; language function; ecolinguistics.

1. Введение. Будучи живыми существами, мы не любим думать о себе как о животных, и назвать кого-то животным – значит нанести ему оскорбление, потому что животные не разумны, в то время как люди обладают разумом: мы можем *мыслить*, у нас есть *сознание*, и мы *знаем*. Тот факт, что когнитивная наука мейнстрима не может сегодня предложить вразумительных ответов на вопросы о том, что такое мысль, сознание, и что значит «знать», не мешает многим из нас

продолжать соглашаться с известным декартовским *Cogito, ergo sum*. Однако, «чтобы понять живые существа, необходимо обратиться к принципам системной организации более высокого порядка – ведь важнейшим в данном случае фактом является то, что они суть организмы, делающие что-то, что нуждается в объяснении» [Mitchell 2017: 6].

Люди представляют собой социально организованные формы высших животных, и как таковых их можно изучать на двух различных уровнях в зависимости от уровня биологической организации – как живые системы второго или третьего порядка (индивидуумы и сообщества), отличные от живых систем первого порядка в виде клеточных организмов (см. [Maturana 1970]). Чтобы понять человека как живой организм, отличающийся от всех других видов животных, необходимо понять, что и почему он делает как *живая система*. А делает он то, что уникальным образом отличает его от всех других известных биологам живых систем: он разговаривает, будучи вовлечен в языковую деятельность – особую форму интерактивного поведения сложной динамики, характерную для человеческого общества. Формальный подход не помогает понять природу языковой деятельности, поскольку не принимаются в расчет экологические, экспериенциальные, поведенческие, перцептуальные и когнитивные измерения интерактивного поведения человека [Raimondi 2019]. Мы сможем познать самих себя только лишь когда и если сможем объяснить, что такое язык и что язык делает для нас и с нами как биологическим видом. Казалось бы, это и должно быть задачей лингвистики как науки о языке. Но в этом ли видит лингвистика свою задачу?

Как это ни поразительно, лингвистика как наука до сих пор не имеет четкого представления о своем объекте – языке как уникальной особенности нашего биологического вида. Укоренившаяся в повседневном дискурсе о языке и его функции кодовая модель языковой коммуникации – отличительный признак картезианской (ортодоксальной) лингвистики – затемняет природу языкового семиозиса как *биологической адаптации*. Это имеет самые серьезные последствия для человека – как на уровне индивида, так и на уровне общества – поскольку человек оказывается неготовым признать свою ответственность за благополучие мира живого в целом.

Еще совсем недавно человек с гордостью величал себя Царем природы. Подобное высокомерие уходит корнями в философскую традицию разделения человека и мира и рассмотрения их как образующих две независимые области бытия: область субъективного (мыслящий человек) и область объективного (немыслящий мир). Задачей человека является познание мира как чего-то, находящегося вовне, что может быть использовано для удовлетворения потребностей «мыслителя»: «Знание – сила». Это привело к потребительскому отношению к природе, когда научно-технические достижения позволили изменять окружающий мир множеством изобретательных способов, приспособлявая его к все возрастающим потребностям человеческого общества. Лишь теперь, когда многие из этих изменений оказались не чем иным, как катастрофами планетарного масштаба, вызванными «мыслящим» человеком (достаточно упомянуть хотя бы катастрофу с Аральским морем), мы начинаем понимать простую истину, что в мире все со всем взаимосвязано. Проблемы экологии стали злободневной темой, когда до нас, наконец-то, дошло, что ни мир не является независимым от нас, ни мы не являемся независимыми от мира, и настоящая наука не может не принимать этого во внимание. Учитывая это, невольно хочется задаться вопросом: «Является ли лингвистика настоящей наукой?» Или, еще более радикально: «А является ли лингвистика наукой?».

2. Что не так с картезианской лингвистикой? Как самоопределяемая научная область, лингвистика обязана своим статусом Ф. де Соссюру, основателю европейского структурализма, который настаивал, что для того, чтобы лингвистика стала настоящей (объективной) наукой, язык следует изучать «в себе и для себя». Тем самым, как если бы разделение человека и мира само по себе было недостаточным, он пошел дальше и разделил человека и язык, что неизбежно подразумевает раздельное существование языка и мысли: сначала мы думаем мысли, а затем выражаем («кодирует») их в языковых знаках. Более того, как конвенциональная система знаков,

представляющих собой произвольные символы, язык должен изучаться в его текущем состоянии, вне какого-либо исторического контекста. Как система, определяемый таким образом язык неизбежно становится бестелесными атемпоральными письменными метками, из которых состоят тексты – материальные объекты, которые можно анализировать в терминах их структуры, а всякая «настоящая» наука, как принято считать, начинается с анализа.

Несмотря на старую истину о том, «целое всегда больше, чем сумма его частей», анализ продолжает рассматриваться как единственно верный путь к пониманию исследуемого объекта, потому что, как принято считать, понять части, из которых состоит целое, значит понять это целое. И именно этим путем пошла картезианская лингвистика: через анализ текстов прийти к знанию о том, что представляют собой «единицы языка» (слова, фразы, предложения) и какова их функция в передаче значений (мыслей, информации) в языковой коммуникации. Однако языковой знак не является объектом или постоянным свойством объекта, он не обладает закрепленной или заданной семиотической значимостью: «Он становится знаком только когда и если он употребляется как таковой, и осуществляемое им означивание есть функция такого употребления» [Love 2004: 531]. Другими словами, то, как мы «употребляем» языковые знаки, не определяется их «значениями». Наоборот, именно значения определяются тем, как мы «употребляем» языковые знаки в совместной языковой деятельности (ср. [Wittgenstein 1963]), и вопрос, которым должна задаться лингвистика, если она действительно претендует на то, чтобы называться наукой, – это вопрос о том, как «употребление» знаков влияет на человека как биологический вид; это вопрос о роли языка в развитии нашего вида с точки зрения эволюции.

К сожалению, лингвистика как научная дисциплина страдает от глубоко укоренившейся и прочно сохраняющейся письменноязыковой предвзятости [Linell 2005], которая не может не сказываться на том, какой образ естественного (звукового) языка рисует нам лингвистика. Несмотря на провозглашенную цель изучать естественный язык, лингвистика сосредоточилась на изучении культурных артефактов – текстов как продуктов письма – вместо изучения людей как говорящих животных со свойственной им общественной организацией жизни, хотя тот же Соссюр предостерегал, что изучение текстов позволяет узнать о звуковом языке не больше, чем фотография о живом человеке. Результатом такого обесчеловечивающего подхода к тому, что на самом деле делает нас людьми, являются многочисленные и часто несовместимые теоретические построения, в которых язык предстает как инструмент для кодирования информации об окружающем мире.

Представление о языке как о коде, окрещенное Р. Харрисом «языковым мифом» [Harris 1981], уже не одно десятилетие подвергается обоснованной критике [Love 2004; Cowley, Love 2006; Kravchenko 2007, Port 2010]. Тем не менее, несмотря на то что в биологически ориентированной когнитивной науке третьего поколения (см. [Кравченко 2009]) сделаны серьезные шаги в плане новой концептуализации языка и понимания его природы, вера в то, что язык – это знаковая система, служащая для кодирования значений, которыми люди якобы обмениваются в процессе коммуникации, продолжает лежать в основе образовательных практик и принимается как нечто тривиальное, не требующее объяснения. Образование рассматривается как процесс приобретения знания, находящегося «где-то там» в ожидании того, когда оно будет обнаружено и с пользой применено – как правило, посредством обработки информации, в типичном случае содержащейся в текстах или передаваемой в разговоре. И тот факт, что за последние десятилетия образование для многих утратило свою ценность [Kravchenko, Rayunepa 2017], не должен вызывать удивления, потому что объективизация языка ведет к объективизации знания, и этой эпистемологической ловушки трудно избежать. Для преодоления нездоровой тенденции к объективизации языка лингвистике надо вырваться из эпистемологической ловушки [Кравченко 2016a] и посмотреть на язык с точки зрения теории живых систем, специфическим примером которых является человеческое общество. Картезианская лингвистика сделать этого не в состоянии.

Укорененный в языковом мифе популярный образовательный дискурс самым непосредственным образом влияет на то, как и что мы думаем о языке. Поглощенная анализом «языковых структур» как неких принципов, управляющих использованием языка как материального кода, картезианская лингвистика не в состоянии объяснить функцию языка как уникальной характерной черты нашего биологического вида. Она настойчиво продолжает рисовать насквозь дуалистичную картину, в которой сознание и язык гипостазируются как независимые друг от друга феномены. Тем самым ортодоксальная лингвистика отказывается от возможности стать частью наук о живом. Чтобы отойти от устоявшихся воззрений на язык, необходимо научиться говорить о нем по-другому [DiPaoloetal. 2018].

3. Биологическая функция языка. Благодаря Карлу Линнею в биологической таксономии наш вид известен под именем *homo sapiens*. Тем самым подразумевается, что способность мыслить является отличительной чертой человека, т. е. самой заметной чертой из всех особенностей человека, которую легко можно наблюдать, и принято считать, что сознание, как воплощение этой человеческой способности, и отличает его от всех других живых существ. Однако ни мышление, ни сознание не являются чем-то, что дано нам в восприятии и может быть наблюдаемо со стороны. Что на самом деле является бросающейся в глаза отличительной особенностью человека, так это координированное интеракциональное поведение – языковая (= совместная) деятельность, и название *homo loquens*, предложенное в XVIII в. Й. Гердером, куда более точно подходит для нашего вида, чем пресловутое *homo sapiens*. Наша сущность определяется языком, и его центральную роль в понимании нашего вида нельзя ни отрицать, ни игнорировать.

С точки зрения эволюции, как обладающие языковой способностью животные мы намного превосходим все остальные виды, и хотя картезианская наука объясняет это нашей способностью мыслить, мышление не является врожденной чертой человеческого мозга, поскольку человеческий мозг мыслит языком [Maturana, Mpodozis, Letelier 1995]; человеческий мозг и язык такие, какие они есть, благодаря совместному эволюционному развитию [Deacon 1997]. Их совместная эволюция позволяет предположить, что, с точки зрения биологии, их функции должны дополнять друг друга таким образом, что это решающим образом способствует выполнению экзистенциальных императивов выживания и продолжения рода – и ни один из известных науке видов не сравнится в этом с человеком.

Однако в то время как биологическую функцию мозга, в общих чертах, видят в регулировании и координировании всего, что происходит в организме в целом, таким образом, чтобы сохранялось его единство как живой системы, биологическая функция языка никогда не стояла в официальной повестке исследований природы человечности – если оставить в стороне биоллингвистику в духе Хомского с ее идеей языкового органа как некий курьез (см. [Everett 2005]). В широком смысле функцию мозга можно сравнить с функцией дирижера большого оркестра, исполняющего симфонию: точно так же, как задачей дирижера не является заставить отдельных музыкантов играть по его желанию, но координировать то, что они исполняют в соответствии с партитурой музыкального произведения и своим вдохновением – так, чтобы результатом их стараний стало гармоничное целое (симфония) нежели режущая слух какофония звуков – задачей мозга является координация всего, что происходит в человеческом организме, таким образом, чтобы каждая система организма функционировала согласованно с другими системами, обеспечивая наилучшие возможные условия для поддержания единства организма как живой системы.

Но организмы не существуют в вакууме: в каждый отдельно взятый момент они являются тем, что они есть, благодаря истории тонких структурных сопряжений со средой, и понять организм как живую систему – значит понять его роль в системе «организм-среда» как определенном единстве [Järvilehto 1998]. А самой заметной и отличительной чертой человеческой среды является язык как «способ взаимодействий», т. е. язык как «отношение» [Dewey 1925: 185] – или, в терминах биологии когниции [Maturana 1970], языковая деятельность как

реляционная область координированных социальных взаимодействий. Но в чем биологическая функция языка?

В биологии когнитии живые системы рассматриваются как единства взаимодействий, существующие в среде и обладающие свойством круговой организации. Эта круговая организация порождает гомеостатическую систему, функция которой состоит в том, чтобы порождать и поддерживать кругообразность организации. Однако осуществление этой функции зависит от компонентов системы, которые определяют эту функцию и непрерывное порождение которых обеспечивается круговой организацией. Все отдельные черты самых разных организмов, *накладываясь на эту фундаментальную кругообразность, поддерживают ее, обеспечивая ее ненарушаемую целостность в последовательностях взаимодействий с постоянно меняющейся средой.* Таким образом, если лингвистика хочет быть настоящей наукой, она не может уходить от ответа на вопрос: «В чем биологическая функция языка?» Или, другими словами: «Какова роль языка в поддержании ненарушаемой целостности человеческого организма в последовательностях его взаимодействий с постоянно меняющейся средой?».

Как отмечалось ранее [Kravchenko 2008], ответ на этот вопрос был предложен Ч. Моррисом, охарактеризовавшим реакцию на предметы через посредство знаков как продолжение биологического процесса, в ходе которого дистантные органы чувств у высоко мобильных высших животных приобрели большую значимость по сравнению с контактными органами чувств: «Такие животные с помощью зрения, слуха и обоняния уже реагируют на отдаленные части окружения под влиянием определенных свойств объектов, функционирующих как знаки других свойств. Этот процесс учитывания все более и более отдаленного окружения прямо переходит в сложные процессы семиозиса, ставшие возможными благодаря языку, когда учитываемый объект уже не должен обязательно наличествовать в восприятии» [Morris 1938: 32]. Моррис видел биологическую функцию языка в том, что он позволяет человеку адаптивно менять свое поведение посредством учитывания того, что не наличествует в восприятии. В терминах адаптации это обстоятельство сыграло решающую роль в возвышении человека над всеми другими видами живых существ, не только позволив ему выйти за пределы Umwelt'a наличествующего восприятия, расширив его до размеров того, что мы называем Миром, но и заложив биологическое основание для абстрактного мышления как необходимого условия человеческой разумности.

Вопросы, на которые лингвистам необходимо дать ответы, сводятся к следующему: 1) Как можно учитывать что-то, не наличествующее в восприятии? и 2) Каково соотношение между языком и разумностью? Картезианская лингвистика с ее верой в символическую природу языковых знаков как произвольных пар «слово-значение» – парадигмальный пример знака в сосюрговской семиологии – не может ответить на первый вопрос и никогда серьезно не задавалась вторым. Ответ на первый вопрос позволяет получить научная семиотика Ч. Пирса [Peirce 1958] с ее относительной иерархией иконических, индексальных и символических знаков, реинтерпретированной в контексте биологии когнитии.

Как показало исследование индексальности в рамках унифицированной теории указательности [Кравченко 1992], это свойство присуще любому языковому знаку, хотя и в разной степени, поскольку языковым «выражениям, включая большинство наших самых ранних выражений, мы научаемся остенсивно» [Quine 1970: 6]. Не существует символов в чистом виде, как в свое время подчеркивал Пирс, и это – решающая отправная точка в понимании функции языка. В литературе указывалось на наличие индексального компонента в значении слов, не являющихся собственно указательными в традиционном понимании (см. [Putnam 1975; Verbrugge 1985; Кравченко 1987]), а Т. Дикон [Deacon 2011] убедительно показал, что истинную природу и функцию символического знака нельзя понять, если символическая референция определяется, как это обычно делается, через негативное противопоставление иконической и индексальной референции. Именно потому, что, как гласит известный тезис Матураны, «все сказанное сказано наблюдателем другому наблюдателю», понять, как работает язык, невозможно, если не учитывать фактор наблюдателя. Другими словами, если лингвистика как научная дисциплина хочет

двигаться вперед, отказавшись от тупикового, обесчеловечивающего, сегрегационного подхода к языковым организмам как живым системам, фокус лингвистических исследований должен сместиться с языковых знаков как некоего кода (системы предзаданных артефактов, в которых закодированы предзаданные значения) в сторону *био-логики* языковой деятельности [Raimondi 2019] – консенсуальной области взаимосвязанных поведений как результата онтогенетического структурного сопряжения между структурно пластичными организмами [Maturana 1975], потому что языковое поведение – это ориентирующее поведение в консенсуальной области [Maturana 1978].

И все же языковое поведение – это еще не (конкретный) язык. Еще не начавшие говорить младенцы хотя и обнаруживают последовательно языковое поведение, не являются языковыми организмами. Для них то, что мы называем языковыми знаками (вокализации) – всего лишь часть их окружающей среды, разновидность компонентов консенсуальной области с ориентирующей функцией. Как таковые, они представляют собой чистые индексы того, что наличествует в восприятии: они сигналы, настраивающие понимание в консенсуальной области взаимодействий ребенка как *консенсуальной области первого порядка*, контекстуализированной диалогическими взаимодействиями «здесь-и-сейчас». Но как ребенок осуществляет переход от языкового поведения к языковой деятельности, когда звучащие слова как компоненты консенсуальной области начинают употребляться в отсутствие консенсуальной области (т. е. ребенок приобретает способность учитывать то, что не наличествует в восприятии)?

Биология когниции объясняет это через понятие *консенсуальности второго порядка*: «Если в организмах, оперирующих в консенсуальной области, могут рекурсивно возникать возмущения, вызванные их внутренними состояниями, порожденными консенсуальными взаимодействиями, и если эти организмы могут инкорпорировать порождаемые этими рекурсивными взаимодействиями поведенческие паттерны в свою консенсуальную область в виде ее компонентов, возникает консенсуальность второго порядка, с точки зрения которой консенсуальное поведение первого порядка является операциональным описанием обстоятельств, выступающих ее триггерами» [Maturana 1978: 48]. Язык возникает, продолжает Матурана, тогда, «когда языковое поведение осуществляется рекурсивно, в консенсуальной области второго порядка, так, что компоненты консенсуального поведения рекурсивно комбинируются в процессе порождения новых компонентов консенсуальной области» [Там же: 50]. Но в чем функция языка как языкового поведения в консенсуальной области второго порядка? Иначе говоря, какие биологические преимущества он дает в терминах выживания и продолжения рода?

Матурана определяет функцию языка как «создание консенсуальной области поведения между системами, взаимодействующими на языке, путем развития кооперативной области взаимодействий» [Maturana 1970: 23]. Эта «кооперативная область взаимодействий» характеризует человеческие сообщества как живые системы, единство которых поддерживается реляционной областью языковых взаимодействий и адаптивная способность которых усиливается беспрецедентным в эволюции жизни образом – и все это благодаря уникальной человеческой способности учитывать то, что не наличествует в восприятии. Эта способность расширяет когнитивную область человека практически до бесконечности: адаптивно значимые взаимодействия со средой, опосредованные взаимодействиями в реляционной области языка, выходят за пределы непосредственного (наличествующего) опыта «здесь-и-сейчас», ведя к возникновению когнитивной области пережитого (прошлого) опыта. Так возникают временные области настоящего и прошлого, к которым позднее добавляется область проецируемого опыта. Ориентирование по отношению к этой области позволяет человеку планировать свои возможные взаимодействия с миром; так возникает временная область будущего. В этом смысле время не является четвертым измерением так называемой объективной реальности; оно отражает в языковом семиозисе характерную особенность человеческой когнитивной деятельности – упорядочивание потока переживаемого и проживаемого опыта как значимых взаимодействий с миром.

Мышление не является ни пассивным, ни обособленным видом деятельности; оно «подразумевает взаимодействие между человеком и средой, точно так же, как и восприятие» [Kellogg 1994: 36]; ср. [Ryle 1949; Melser 2004]. Как деятельность в консенсуальной области второго порядка, язык является примером *абстрагирования первого порядка* как адаптивного механизма «симулирования» возможных взаимодействий организма со средой. Он позволяет языковым организмам моделировать возможные паттерны ориентирующего поведения без необходимости обращаться к собственному реальному опыту каждый раз, когда требуется принять решение. Это важнейшее развитие адаптивной способности, повышающее шансы на выживание до уровня, несопоставимого ни с чем в существующем мире живого.

Изобретение письменности явилось следующим шагом в развитии этого адаптивного механизма – *абстрагированием второго порядка* (абстракцией от абстракции) и созданием «мира на бумаге» [Olson 1994]. К сожалению, как отмечает М. Трибулец [Trybulec 2013: 425], «когнитивная значимость письма и грамотности остается сильно недооцененной». Овладение навыками чтения, а затем и письма – важный шаг в когнитивном развитии человека. Он позволяет «сбрасывать» тяжелое когнитивное бремя – необходимость все время поддерживать в состоянии активности нейронные ансамбли, участвующие в работе механизмов памяти – на материальные артефакты, которые затем могут использоваться во взаимодействиях со своим собственным когнитивным «Я». Эти взаимодействия преобразуют наши когнитивные способности, предоставляя новую среду для активного конструирования мысли. Письмо становится не просто инструментом, но *способом мышления* [Menary 2007]. Таким образом язык – в его обоих измерениях: и как кооперативная адаптивная деятельность, и как эволюционный артефакт – становится биокультурной нишей [Sinha 2015], без и вне которой нельзя в полной мере понять ни эволюцию человека, ни сущность человечности.

4. Лингвистика и экология языка. И все же, почему картезианская лингвистика не стала частью наук о живом? Потому что, рационализируя язык, она не способна увидеть, что жизнь и язык (как экологическая ниша человека) неразрывны; она не признает системного характера отношений в единстве, образуемом человеческим организмом и средой. Но, как почти полвека назад предупреждал Г. Бейтсон, в этом нет здравого смысла, а «отсутствие системного здравомыслия всегда наказуемо. Можно сказать, что биологические системы – индивид, культура и экология – лишь отчасти живые двигатели своих компонентов, клеток или организмов. Тем не менее системы наказывают любой вид, неблагоприятно ссорящийся со своей экологией» [Bateson 1972: 442]. По большому счету, человечество до сих пор занято именно этим: оно ссорится со своей экологией – языком как реляционной областью взаимодействий. Закрывая глаза на природу биологической, экологической системы вокруг отдельно взятого человека, картезианская лингвистика представляет собой прямую и явную угрозу тем, что оказывается не в состоянии адекватно оценить язык и его роль в жизни человека ни на уровне личности, ни на уровне общества как живых систем, существующих в уникальной экологической (биокультурной) нише, образуемой языковыми взаимодействиями [Кравченко 2016б]. В сообществе языковых организмов как живой системе языковая деятельность определяет сущность компонентов системы (индивидов как компонентов группы). Уникальные когнитивные способности человека *возникают* в процессе развития компонентов системы в полностью функциональных деятелей: язык «преобразует деятельность человека по мере того, как мы перестаем быть младенцами и, со временем, становимся конкретными личностями» [Cowley 2014: 67].

В то время как системное поведение человеческого общества зависит от когнитивных свойств его компонентов, сами эти когнитивные свойства возникают в области языковой деятельности как системного поведения, которое становится когнитивной нишей для человеческих организмов. Именно это существенное обстоятельство высвечивает экологическую природу отношений между человеческим обществом и его областью языковых взаимодействий. Поскольку «эволюция живых систем – это эволюция ниш единств взаимодействий, определяемых самореферентной круговой организацией этих единств, следовательно, это эволюция когнитивных

областей» [Maturana 1970: 4], игнорирование экологии языка как реляционной (когнитивной) области мешает нашему пониманию процессов, определяющих когнитивные особенности человека и общества.

Доминирующий взгляд на язык как предмет, которым разумные организмы пользуются как инструментом, лишен здравого смысла и должен быть отвергнут. Экологическая ниша человека насыщена аффордансами, предоставляемыми языковыми взаимодействиями в экспериенциальных областях речи и письма [Kravchenko 2009]. Взаимодействия в этих областях становятся решающим экологическим фактором, который одновременно определяет и поддерживает развитие человека и общества как живых систем. Следовательно, в отличие от картезианской лингвистики, изучение языка как человеческой экологии может стать настоящей наукой о (человеческой) жизни.

Однако, как мне уже приходилось говорить [Кравченко 2014], возникновение эколлингвистики как новой парадигмы в исследованиях языка, хотя и является шагом вперед на пути преодоления пропасти между лингвистикой и науками о живом, еще не свидетельствует о концептуальном отходе от устоявшегося взгляда на язык как на код, и метафора «канала связи» [Reddy 1979], как подчеркивает П. Мюльхойслер [Mühlhäusler 2019], продолжает лежать в основании большинства работ по эколлингвистике. На домашней страничке «Международной ассоциации эколлингвистики» (<http://ecolinguistics-association.org>) эколлингвистика определяется как исследование «роли языка в поддерживающих жизнь взаимодействиях человека, других биологических видов и физической среды» с главной целью «разработать теории языка, в которых человек предстает не только как часть общества, но также как часть более широких экосистем, от которых зависит жизнь». Хотя роль языка в поддерживающих жизнь взаимодействиях человека, других биологических видов и физической среды трудно переоценить, а провозглашаемый МАЭ подход к языку, на первый взгляд, кажется вполне холистичным, предлагаемые МАЭ определение эколлингвистики и соответствующий подход к языку вызывают ряд вопросов.

С одной стороны, говорить о роли языка в поддерживающих жизнь взаимодействиях имеет смысл только когда и если имеется адекватное понимание биологического механизма поддерживающих жизнь процессов в целом. Если утверждается, что языковые взаимодействия поддерживают жизнь человека, следует объяснить, что (и как) на самом деле происходит в мире живого, что позволяет нам говорить о жизни человека как существенным образом отличной от всех других форм жизни – например, таких, как человекообразные обезьяны. Тем самым мы неизбежно оказываемся перед необходимостью поставить вопрос о биологической функции языка – но этого эколлингвистика почему-то не делает.

С другой стороны, не поняв биологической, а лучше сказать, биосоциальной функции языка, нельзя рассчитывать на холистический поход к языку, когда учитывается вся сложная совокупность отношений между человеком и его средой, которые рассматриваются как интегрированное целое, как система «организм-среда». Нельзя не согласиться с тем, что «можно желать применить холистический поход, но в отсутствие ясного понимания того, что на самом деле представляет собой это самое целое, лучшее, что мы можем сделать – это расширять до неопределенно большого количества рассматриваемые параметры, многие из которых находятся за пределами нашего понимания» [Mühlhäusler 2019: 20]. К сожалению, именно это можно обнаружить во многих примерах эколлингвистического дискурса, когда отчетливо заметно различие между тем, чем эколлингвистика хочет быть и чем она на самом деле является.

Как показала недавно прошедшая 4-я Международная конференция по эколлингвистике (<https://ice-4.dk>), традиционный взгляд на язык как внешнюю по отношению к человеку автономную сущность по-прежнему прослеживается в большинстве эколлингвистических исследований, вносящих свою лепту в постоянно растущее число лингвистических теорий, но оказывающихся неспособными стать теорией языка как частью наук о живом. Чтобы это произошло, необходимо новое понимание языка. У лингвистики еще есть шанс стать настоящей наукой – для этого нужно лишь понять, что именно язык составляет особенность человеческой

экологии. Когда это произойдет, отпадет необходимость в таких подразделах лингвистики, как антропо-, этно-, социо-, психо-, био-, нейро-, когнитивная лингвистика и т. п. Это будет означать действительно холистичный подход к языку. Хотелось бы, чтобы это произошло скорее.

Литература

Кравченко А.В. Индексальные конструкции с глаголами чувственного восприятия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 14 с.

Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд. Ирк. ун-та, 1992. 212 с.

Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 51–65.

Кравченко А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 90–99. URL: <https://clck.ru/JxaQw> (дата обращения: 11.09.2019).

Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016а. № 3 (41). С. 14–26.

Кравченко А.В. О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016б. № 1. С. 354–370. URL: <https://clck.ru/JxaZc> (дата обращения: 11.09.2019).

Bateson G. Steps To an Ecology of Mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. Northvale, NJ, Jason Aronson Inc., 1972. 520 p.

Cowley S. Bio-ecology and language: a necessary unity // Language Sciences, 2014, vol. 41, pp. 60–70.

Cowley S., Love N. Language and cognition, or, how to avoid the conduit metaphor // Duszak A., Okulska U. (Eds.). Bridges and Walls in Metalinguistic Discourse. Frankfurt/Main, Peter Lang, 2006, pp. 135–154.

Deacon T.W. The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain. London, Penguin Books, 1997. 527 p.

Deacon T.W. The symbol concept // Tallerman M., Gibson K. (Eds.). The Oxford Handbook of Language Evolution. Oxford, Oxford University Press, 2011, pp. 393–405.

Dewey J. Experience and Nature. LaSalle, Ill., Open Court, 1925–1958. 486 p.

Di Paolo E.A., Cuffari E.C., De Jaegher H. Linguistic Bodies: The continuity between life and language. Cambridge, MA, The MIT Press, 2018. 414 p.

Everett D. Biology and language: a consideration of alternatives // Journal of Linguistics, 2005, vol. 41, pp. 157–175.

Harris R. The Language Myth. London, Duckworth, 1981. 212 p.

Järvilehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // Integrative Physiological and Behavioral Science, 1998, vol. 33, pp. 317–330.

Kellogg R.T. The Psychology of Writing. Oxford, Oxford University Press, 1994. 253 p.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code // Language Sciences, 2007, vol. 29, no 5, pp. 650–671.

Kravchenko A.V. Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main: Peter Lang, 2008. 304 p.

Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // Pragmatics & Cognition, 2009, vol. 17, no 3, pp. 527–548.

Kravchenko A.V., Payunena M.V. Education: a value lost? // Dudziak A., Orzechowska J., (red.), Język i kultura w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2017, pp. 239–246.

- Linell P. The Written Language Bias of Linguistics. London: Routledge, 2005. 256 p.
- Love N. Cognition and the language myth // *Language Sciences*, 2004, vol. 26, no6, pp. 525–544.
- Maturana H.R. Biology of Cognition. BCL Report # 9.0. Urbana: University of Illinois, 1970. 27 p.
- Maturana H.R. The organization of the living: a theory of the living organization // *The International Journal of Man-Machine Studies*, 1975, vol. 7, pp. 313–332.
- Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // Miller G., Lenneberg E., (Eds.), *Psychology and Biology of Language and Thought*. New York: Academic Press, 1978, pp. 27–63.
- Maturana H.R., Mpodozis J., Letelier J. C. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 1995, vol. 28, pp. 15–26.
- Melser D. The Act of Thinking. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004. 287 p.
- Menary R. Writing as thinking. *Language Sciences*, 2007, vol. 29, no 5, pp. 621–632.
- Mitchell K. What are ‘the laws of biology’? *The Biologist*, 2017, vol. 64, no 6, pp. 6.
- Morris C.W. Foundations of the theory of signs // Neurath O., Carnap R., Morris C.W., (Eds.), *International Encyclopedia of Unified Science*, Chicago, 1938, vol. 1, part 2, pp. 1–59.
- Mühlhäusler P. Quo vadis Ecolinguistics // Steffensen, S.V. (Ed.) *The Aalpiri papers: two critical reflections on contemporary ecolinguistics*. Odense: SDU, 2019, pp. 6–24.
- Olson D.R. The World on Paper: The conceptual and cognitive implications of writing and reading. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 318 p.
- Peirce C.S. Logical Foundations of the Theory of Signs. Boston: Harvard University Press, 1958. 535 p.
- Port R. Language as a social institution: why phonemes and words do not live in the brain // *Ecological Psychology*, 2010, vol. 22, pp. 304–326
- Putnam H. The meaning of meaning // Gunderson K., (Ed.) *Language, Mind and Knowledge*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1975, pp. 131–193.
- Quine W.V. Philosophy of Logic. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1970. 109 p.
- Raimondi V. The bio-logic of languaging and its epistemological background // *Language Sciences*, 2019, vol. 71, pp. 19–26.
- Reddy M. The conduit metaphor // Ortony A., (Ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979, pp. 284–324.
- Ryle G. The Concept of Mind. London: Hutchinson University Library, 1949. 343 p.
- Sinha C. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction // *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. 6. Available at: <https://clck.ru/Ka5WT> [accessed 18.07.2019].
- Trybulec M. Lost in transcription: Language between speaking and writing // Moyal-Sharrock D., Munz V.A., Coliva A., (Eds.) *Mind, Language and Action. Proceedings of 36th International Wittgenstein Symposium*, 2013, vol. XXI. Kirchberg am Wechsel, 2013, pp. 424–427.
- Verbrugge R.R., Language and event perception: Steps toward a synthesis // Warren W.H.Jr., Shaw, R.E., (Eds.), *Persistence and Change*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985, pp. 157–194.
- Wittgenstein L. von. *Philosophical Investigations*, translated by G.E.M. Anscombe. Oxford: Basil Blackwell, 1963. 250 p.

References

- Kravchenko A.V. Indeksal'nye konstruksii s glagolami chuvstvennogo vosprijatija v sovremennom anglijskomjazyke [Indexical constructions with perception verbs in Modern English]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad, 1987. 14 p.
- Kravchenko A.V. Voprosy teorii ukazatel'nosti: Egotsentrichnost'. Deiktichnost'. Indeksal'nost' [Topics in the Theory of Indication: Egocentricity. Deixis. Indexicality]. Irkutsk, Irkutsk University Press Publ., 1992. 212 p.
- Kravchenko A.V. O traditsijakh, jazykoznanii i kognitivnom podkhode [On tradition, linguistics, and the cognitive approach]. *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Traditsii i novatorstvo* [The horizons of

modern linguistics: Tradition and innovation], Moscow, Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ, 2009, pp. 51–65.

Kravchenko A.V. Dva vzgljada na èkologiju jazyka i èkologicheskiju lingvistiku [Two views on language ecology and ecolinguistics]. *Èkologija jazyka i komunikativnaja praktika*, 2014, no 2, pp. 90–99. Available at: <https://clck.ru/JxaQw> [accessed 11.09.2019].

Kravchenko A.V. Èpistemologicheskaja lovushka jazyka [The epistemological trap of language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 2016a, no 3(41), pp.14–26.

Kravchenko A.V. O vrede strukturalizma dlja zdorovja obshchestva: jazyk kak èkologicheskaja nisha cheloveka [On how structuralism can harm the well-being of society: language as an ecological niche of humans]. *Èkologija jazyka i komunikativnaja praktika*, 2016b, no 1, pp. 354–370. Available at: <https://clck.ru/JxaZc> [accessed 11.09.2019].

Bateson G. Steps To an Ecology of Mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. Northvale, NJ, Jason Aronson Inc., 1972. 520 p.

Cowley S. Bio-ecology and language: a necessary unity. *Language Sciences*, 2014, vol. 41, pp. 60–70.

Cowley S., Love N. Language and cognition, or, how to avoid the conduit metaphor. *Duszak A., Okulska U. (Eds.), Bridges and Walls in Metalinguistic Discourse*. Frankfurt/Main, Peter Lang, 2006, pp. 135–154.

Deacon T.W. The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain. London, Penguin Books Publ., 1997. 527 p.

Deacon T.W. The symbol concept // Tallerman M., Gibson K. (Eds.) The Oxford Handbook of Language Evolution. Oxford, Oxford University Press Publ., 2011, pp. 393–405.

Dewey J. Experience and Nature. LaSalle, Ill., Open Court Publ., 1925–1958. 486 p.

Di Paolo E.A., Cuffari E.C., De Jaegher H. Linguistic Bodies: The continuity between life and language. Cambridge, MA, The MIT Press Publ., 2018. 414 p.

Everett D. Biology and language: a consideration of alternatives. *Journal of Linguistics*, 2005, vol. 41, pp. 157–175.

Harris R. The Language Myth. London, Duckworth Publ., 1981. 212 p.

Järvillehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory. *Integrative Physiological and Behavioral Science*, 1998, vol. 33, pp. 317–330.

Kellogg R.T. The Psychology of Writing. Oxford, Oxford University Press Publ., 1994. VIII. 253 p.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*, 2007, vol. 29, no 5, pp. 650–671.

Kravchenko A.V. Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main, Peter Lang Publ., 2008. 304 p.

Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics & Cognition*, 2009, vol. 17, no 3, pp. 527–548.

Kravchenko A.V., Payunena M.V. Education: a value lost? *Dudziak A., Orzechowska J., (red.), Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym*. Olsztyn, Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie Publ., 2017, pp. 239–246.

Linell P. The Written Language Bias of Linguistics. London, Routledge Publ., 2005. 256 p.

Love N. Cognition and the language myth. *Language Sciences*, 2004, vol. 26, no6, pp. 525–544.

Maturana H.R. Biology of Cognition. BCL Report # 9.0. Urbana, University of Illinois Publ., 1970. 27 p.

Maturana H.R. The organization of the living: a theory of the living organization. *The International Journal of Man-Machine Studies*, 1975, vol. 7, pp. 313–332.

Maturana, H. R. Biology of language: The epistemology of reality. *Miller G., Lenneberg E., (Eds.), Psychology and Biology of Language and Thought*. New York: Academic Press, 1978, pp. 27–63.

Maturana H.R., Mpodozis J., Letelier J. C. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 1995, vol. 28, pp. 15–26.

- Melser D. The Act of Thinking. Cambridge, MA, The MIT Press Publ., 2004. 287 p.
- Menary R. Writing as thinking. *Language Sciences*, 2007, vol. 29, no5, pp. 621–632.
- Mitchell K. What are ‘the laws of biology’? *The Biologist*, 2017, vol. 64, no 6, pp. 6.
- Morris C.W. Foundations of the theory of signs. *Neurath O., Carnap R., Morris C. W., (Eds.) International Encyclopedia of Unified Science*, Chicago, 1938, vol. 1, part 2, pp. 1–59.
- Mühlhäusler P. Quo vadis Ecolinguistics. *Steffensen S. V. (Ed.) The Aalpiri papers: two critical reflections on contemporary ecolinguistics*, Odense, SDU Publ., 2019, pp. 6–24.
- Olson D.R. The World on Paper: The conceptual and cognitive implications of writing and reading. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1994. 318 p.
- Peirce C.S. Logical Foundations of the Theory of Signs. Boston, Harvard University Press Publ., 1958. 535 p.
- Port R. Language as a social institution: why phonemes and words do not live in the brain. *Ecological Psychology*, 2010, vol. 22, pp. 304–326
- Putnam H. The meaning of meaning. *Gunderson K., (Ed.), Language, Mind and Knowledge*. Minneapolis, MN, University of Minnesota Press Publ., 1975, pp. 131–193.
- Quine W.V. Philosophy of Logic. Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hall Publ., 1970. 109 p.
- Raimondi V. The bio-logic of languaging and its epistemological background. *Language Sciences*, 2019, vol. 71, pp. 19–26.
- Reddy M. The conduit metaphor. *Ortony A., (Ed.) Metaphor and Thought*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1979, pp. 284–324.
- Ryle G. The Concept of Mind. London, Hutchinson University Library Publ., 1949. 343 p.
- Sinha C. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction. *Frontiers in Psychology*, 2015, vol. Available at: <https://clck.ru/Ka5WT> [accessed 18.07.2019].
- Trybulec M., Lost in transcription: Language between speaking and writing. *Moyal-Sharrock D., Munz V.A., Coliva A., (Eds.) Mind, Language and Action. Proceedings of 36th International Wittgenstein Symposium*, Kirchberg am Wechsel, 2013, vol. XXI, pp. 424–427.
- Verbrugge R.R. Language and event perception: Steps toward a synthesis. *Warren W.H.Jr., Shaw R.E. (Eds.) Persistence and Change*. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates Publ., 1985, pp. 157–194.
- Wittgenstein L. von. Philosophical Investigations, translated by G.E.M. Anscombe. Oxford, Basil Blackwell Publ., 1963. 250 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кравченко Александр Владимирович, д-р филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии

Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Иркутский государственный университет

Россия, 664025, Иркутск, ул. Ленина, 8

E-mail: sashakr@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Kravchenko Alexander Vladimirovich, Full professor, English Philology

Institute of Philology, Foreign Languages and Media-Communication

Irkutsk State University

8 Lenin St., Irkutsk 664025 Russia

E-mail: sashakr@hotmail.com